

Германская дипломатия и «немецкая операция» НКВД 1936–1938 годов

Александр Ватлин

Вторая половина 1930-х гг. вошла в историю и СССР, и Германии как самый трагичный период внутривосточного развития. Насаждение идеологического конформизма, репрессии против сохранивших реальное или мнимое влияние оппонентов, атмосфера страха, охватившая широкие слои общества, долгое время считались основой тоталитарной модели, уравнивавшей режимы И.В. Сталина и А. Гитлера. В современной политологии такой подход подвергся серьёзной ревизии, однако вопрос о корректности и перспективности сравнения этих режимов дискутируется и по сей день¹. «Сравнивать не значит отождествлять» – аксиоматический тезис, принятый среди германских историков, слишком расплывчат и оставляет широкое поле для противоречащих друг другу интерпретаций. Во всяком случае, такие сопоставления требуют досконального изучения отдельных аспектов и сюжетов, а оно, в свою очередь, не только даёт материал для широких обобщений, но и формирует некое поле устоявшихся оценок, абстрагироваться от которых попросту невозможно. И здесь, несмотря на все модные «повороты», совершённые в мировой историографии за последние десятилетия, необходимо, прежде всего, выявлять и анализировать новые архивные источники. В полной мере это относится и к исследованию реакции германской дипломатии (особенно посольства в Москве) на репрессии против граждан Германии в эпоху большого террора в СССР. Используемый при этом термин «немецкая операция» является, конечно, условным. В рамках этой операции, начавшейся летом 1937 г., основной удар был нанесён по советским гражданам, так или иначе обвинявшимся в шпионаже в пользу Третьего рейха². Но ещё осенью 1936 г. начались массовые репрессии против иностранных граждан, практически не прекращавшиеся на протяжении последующих двух лет.

Источниковую базу данной статьи составляют материалы архива Министерства иностранных дел Германии, хранящиеся в Берлине. Наряду с фондами посольства в Москве и «русского реферата» в политическом отделе министерства, которые уже использовались историками, изучено и собрание «консульских дел», касавшихся отдельных немцев, проживавших в Советском Союзе. Уникальную возможность для сравнительного анализа дают материалы Архива внешней политики РФ, где находятся советские варианты бесед ведущих сотрудников немецкого посольства с руководителями Наркомата иностранных дел (НКВД) СССР, собрание нот и меморандумов посольства, а также документы, отражающие реакцию на демарши германской дипломатии. Отдельные случаи репрессий в отношении германских граждан в 1936–1938 гг. раскрывают следственные дела, сохранившиеся в Государственном архиве РФ.

Было бы наивным предполагать, что деятельность МИД Третьего рейха протекала независимо от политических установок Гитлера и его окружения, а посольство в Москве в своей реакции на репрессии против германских граждан руководствовалось исключительно гуманитарными соображениями. Прошло почти полвека с момента краха

© 2013 г. А.Ю. Ватлин

¹ См., например: Beyond totalitarianism: stalinism and nazism compared. Cambridge, 2009.

² Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 35–74.

фашистского режима, прежде чем общественное мнение ФРГ признало крах легенды о «чистом вермахте». Понадобилось ещё полтора десятилетия для того, чтобы сами германские дипломаты затеяли «чистку» своего собственного прошлого, подтверждая прозвучавший в приговоре Нюрнбергского трибунала тезис об ответственности внешнеполитического ведомства за преступления германского фашизма³. В то же время не все историки согласны с утверждениями о «бесшовном сращивании дипломатов с гитлеровским режимом», или даже о превращении германского МИД в филиал гестапо⁴. Дипломатический корпус, как и командование вермахта, до известного предела успешно сопротивлялся «кадровой революции» нацистов. К тому же посольство в Москве в середине 1930-х гг. «находилось вне непосредственных интересов Гитлера и благодаря этому пользовалось поначалу известной свободой»⁵. Германский историк И. Фляйшхауэр, выразившая это мнение, ещё в 1980-е гг. сожалела об отсутствии исследований, посвящённых работе посольства в Москве в 1920–1930-е гг.⁶

Деятельность германского посольства в Москве

В середине 1930-х гг. работавшие в Москве германские дипломаты уже имели возможность почувствовать и изменение настроений в Берлине, и ужесточение внутриполитического курса сталинского режима, который стремился отгородить население страны от любых иностранных влияний, насаждая безудержную шпиономию. В мемуарной литературе описывается, как поверенный в делах Вернер фон Типпельскирх (второе лицо в посольстве) учил молодых коллег после установления гитлеровского режима учитывать «веления времени и язык новой власти», насыщая свои донесения расистской терминологией⁷. В то же время сотрудники посольства лучше других видели, насколько далёк тот образ «еврейского большевизма», который пестовало министерство пропаганды Й. Геббельса, от реальной жизни в Советском Союзе. «Мы были убеждены в том, что Сталин, отбросив идеологический балласт и проводя прагматичную политику, стал возводить на месте коммунистического хаоса сильную в экономическом и военном отношении державу. Мы воспринимали Россию гораздо серьёзнее, чем национал-социалисты», – вспоминал помощник посла Германии в СССР графа Ф.В. фон Шуленбурга Г. Герварт⁸.

Сотрудники посольства в Москве имели уникальную возможность сравнить два диктаторских режима, увидеть логику их эволюции, что привело некоторых из них в ряды антифашистского сопротивления. Им больше других приходилось иметь дело с репрессивными практиками, которые проводились и в Советском Союзе, и в Германии, будь то контроль над своими согражданами и нагнетание атмосферы подозрительности, изоляция или высылка из страны всех, кто не согласен с режимом. К. Радек, встречавшийся летом 1934 г. с визитёрами из Германии в присутствии Н.И. Бухарина и пресс-атташе посольства В. Баума, выразился в характерном для него циничном духе:

³ Conze E., Frei N., Hayes P., Zimmermann M. Das Amt und die Vergangenheit: Deutsche Diplomaten im Dritten Reich und in der Bundesrepublik. München, 2010.

⁴ См., например: Hueter J. Das Auswärtige Amt, die NS-Diktatur und der Holocaust. Kritische Bemerkungen zu einem Kommissionsbericht // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2011. № 2.

⁵ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1990. С. 46, 47. В предисловии к этой книге Л.А. Безыменский предлагает иной подход к данной проблеме (там же. С. 14–16).

⁶ Этой теме посвящена только публицистическая книга В. Йооста (*Joost W. Botschaffter bei den roten Zaren. Die deutschen Missionschefs in Moskau 1918 bis 1941; mit Geheimakten und persönlichen Aufzeichnungen.* Wien, 1967). См. также: Линке Х.Г. Общность судеб? Советский Союз в политических расчётах германских послов в Москве с 1922 по 1941 гг. // Россия и Германия в XX веке. Т. 2. М., 2010. С. 128–167.

⁷ Herwarth H. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931–1945. Frankfurt a/M, 1985. S. 83.

⁸ Ibid. S. 87.

«Нацисты казнят коммунистов. Если мы схватим у нас в стране нацистов, мы их тоже казним. А в остальном у каждого дома полно своих собственных дел»⁹.

Посольство, располагавшееся в Леонтьевском переулке, д. 10, представляло собой серьёзный административный и хозяйственный комплекс, выполнявший задачи информационного обеспечения и в известной степени формировавший образ России в руководстве Третьего рейха. Около 20 из более чем 100 сотрудников посольства имели дипломатический статус, остальные выполняли вспомогательные функции (в частности, 13 машинисток). В это число не входил обслуживающий персонал, набиравшийся из местных жителей, преимущественно из этнических немцев¹⁰. Иностранные дипломаты в сталинской России находились под жёстким контролем советских органов госбезопасности. Это вдвойне касалось представителей стран, рассматривавшихся как потенциальные противники в случае возникновения войны. Мемуары германских дипломатов, работавших в Москве, пестрят подобными сюжетами, молодёжь любила поиграть в «кошки-мышки» с сотрудниками НКВД, плотно опекавшими их и в столице, и во время поездок по стране. Приходилось жить в состоянии постоянной чрезвычайщины, быть готовым к любому повороту событий.

В 1934–1936 гг. НКВД проводил операцию «Коричневая паутина», в ходе которой была выявлена пропагандистская работа посольства и консульств Германии в СССР и взяты на учёт все лица, имевшие связь с ними. При этом сотрудникам госбезопасности так и не удалось «вскрыть нелегальный центр германской фашистской партии, хотя по данному делу разрабатывались сотни советских граждан немецкой национальности»¹¹. Позже практически все они были репрессированы. После первой волны арестов в ноябре 1936 г. никто, даже обычная молочница, не решался приблизиться к зданию в Леонтьевском переулке. Расположенные в центре Москвы дипломатические представительства превращались по существу в осаждённые крепости. Не лучшее обстояло дело и в провинции – германский консул в Новосибирске постоянно жаловался на не работавшую сантехнику, так как местный водопроводчик наотрез отказывался входить в здание консульства, опасаясь за свою жизнь¹². Но, несмотря на усилия НКВД по изоляции представительств «враждебных государств» в Москве, известные границы уважения дипломатического иммунитета, поставленные высшей властью, всё же сохранялись. Так, при подготовке сценария одного из показательных процессов глава НКВД М.М. Литвинов выступил против того, чтобы протягивать нити преступления (получение бомбы для террористического акта) в германское посольство¹³.

Следует отметить, что и советским дипломатам в Берлине приходилось несладко. Полицейские бесцеремонно досматривали багаж командированных из СССР, устраивали несанкционированные обыски в общежитии, где жили сотрудники торгового представительства. Случались и аресты советских граждан, которым инкриминировалась поддержка подпольной работы коммунистов¹⁴. Всё это порождало «войну нот»,

⁹ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin (далее – РААА). Botschaft Moskau. Akte 211. В ходе второго показательного процесса Радек «признался», что Баум являлся связным между ним и гестапо, и пресс-атташе посольства Германии был выслан из СССР.

¹⁰ Списки дипломатов и сотрудников посольства с указанием должностей и места проживания ежемесячно присылались в НКВД (АВП РФ, ф. 082, оп. 22, п. 70, д. 3, л. 171–173).

¹¹ Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 44–45.

¹² РААА. Botschaft Moskau. Akte 419.

¹³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. М., 2004. С. 40.

¹⁴ См. дело об аресте в сентябре 1936 г. советского инженера Г.А. Лурье, которого в дальнейшем выслали из Германии (РААА. Politabteilung V. Akte 104374). Данные о преследовании советских граждан в Германии по политическим мотивам регулярно направлялись из МИД в московское посольство. Они составили объёмистое дело, содержавшее среди прочего и комичные случаи, когда бдительный вагоновожатый задержал командированного из СССР гражданина, который снимал достопримечательности Берлина, не выходя из трамвая (Ibid. Botschaft Moskau. Akte 238).

которую вели советские и германские дипломаты. Показателен диалог, состоявшийся на приеме в советском полпредстве 10 марта 1937 г. Сотрудник «русского реферата» МИД сетовал, что немецкие дипломаты живут в Москве как заключённые в золотой клетке. Его советский собеседник тут же парировал, заявив, что он и его товарищи также находятся в клетке, только не из золота, а из другого материала¹⁵.

Во второй половине 1930-х гг. проживавшие в СССР подданные Германии стали своего рода заложниками во взаимоотношениях двух диктатур. Иностранные специалисты из Германии, первоначально пользовавшиеся серьёзными привилегиями, к 1933 г. были уравнены в статусе с советскими рабочими и инженерами¹⁶. Это вызвало значительный отток немцев из СССР, стимулировавшийся нацистской пропагандой. Активная кампания по переводу иностранцев в советское гражданство, начавшаяся в последующие годы, также ставила эмигрантов перед непростым вопросом – обустроиться в Союзе навсегда или возвращаться на родину. Меньшинство всё же оставалось. По явно неполным данным, собранным посольством Германии, из 6 тыс. немецких специалистов, прибывших на работу в Советский Союз в годы мирового экономического кризиса, около 800 стали впоследствии советскими гражданами¹⁷. Не меньшее число немцев продолжали проживать в СССР, сохранив свои германские паспорта. Кто-то обзавёлся семьёй, сделал неплохую карьеру, а для кого-то возврат в страну, где правили нацисты, был неприемлем по политическим или расовым соображениям. Со своей стороны, из МИД Германии требовали от посольств препятствовать возвращению на родину евреев с немецкими паспортами. В Москве Шуленбург под свою ответственность закрывал глаза на «расовую составляющую» как посетителей, так и персонала посольства¹⁸.

Растущее раздражение у советских партийных и государственных органов вызывало покровительство посольства и семи германских консульств, расположенных от Одессы до Владивостока, этническим немцам («фольксдойчам»), в том числе и тем, кто родился в России. Для них устраивались разного рода культурно-просветительские мероприятия, предоставлялась продовольственная помощь из Германии¹⁹. Исползволь им внушалась идея собирания всех немцев в одном государстве.

Здание в Леонтьевском переулке, над которым с 1933 г. развевался флаг со свастикой, являлось центром общественной жизни немецкой колонии в Москве. Подданные Германии, не заподозренные в коммунистических симпатиях, приходили туда для чтения свежих газет, занятий в гимнастическом кружке, а также для того, чтобы воспользоваться услугами врача. Посольство устраивало для них праздники и вечеринки с бесплатным угощением, снимая для этого самые престижные столичные рестораны. Такая обходительность имела свою цену – постоянные посетители мероприятий давали дипломатам информацию о том, о чём не писали советские газеты²⁰. В условиях тотальной закрытости сталинской системы ценность представляли вполне невинные, в сущности, вещи – названия заводов и их расположение, настроения населения, транспортная инфраструктура, разговоры в очередях. Очевидно, что сообщение подобных сведений дипломатам не являлось шпионажем в обычном смысле слова, но впоследствии оно становилось исходной точкой для обвинительного приговора.

¹⁵ АВП РФ, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 5, л. 19.

¹⁶ См.: Дель О. От иллюзий к трагедии. Немецкие политэмигранты в СССР в 30-е годы. М., 1997.

¹⁷ РААА. Botschaft Moskau. Akte 421. В том же ответе Типпельскирха на запрос министерства пропаганды о числе немецких рабочих, прибывших в СССР, данным 8 августа 1938 г., упоминалось, что из 730 граждан Германии, арестованных в СССР, около 70% составляли рабочие (Ibidem).

¹⁸ Herwarth H. Op. cit. S. 70.

¹⁹ См.: Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 1983.

²⁰ Тайны дипломатии Третьего рейха. Германские дипломаты, руководители зарубежных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944–1955. М., 2011. С. 363, 497, 517.

После 1933 г. в СССР прибыли несколько тысяч противников фашизма, в основном коммунистов, которые либо нелегально перешли границу, либо пересекли её под вымышленными именами. Они вообще не имели заграничных паспортов и не могли сослаться на своё германское гражданство как по идейным, так и по юридическим соображениям. Посольство неоднократно получало из МИД запросы о предоставлении данных на лиц, ведущих «антигерманскую пропаганду» в Советском Союзе, однако реагировало на них достаточно формально, отмечая только выступления лидеров Коммунистической партии Германии (КПГ), публиковавшиеся в центральной прессе²¹. В то же время бурю возмущения дипломатов вызвало помещённое в «Правде» ещё в 1932 г. письмо работавших в Москве германских инженеров о том, что они спроектировали самолёт в подарок стране строящегося социализма. В переписке с посольством инженеры оправдывались тем, что плохо владели языком и не знали, под чем ставили свои подписи²². В свою очередь германские дипломаты в Москве пересылали в Берлин письма немецких рабочих, разочаровавшихся в советском строе, которые впоследствии тиражировались ведомством Геббельса. Предшественник Шуленбурга Г. фон Дирксен уже в 1933 г. предлагал использовать возвращавшихся из СССР бывших коммунистов для пропагандистских кампаний в Германии, однако не получил поддержки МИД²³.

Согласно системе выездных виз, введённой в СССР ещё в начале 1920-х гг., разрешение покинуть страну должны были получать не только её граждане, но и иностранцы – их национальные паспорта не являлись документом, предоставлявшим право на выезд из Советского Союза. Запросы на визу для командированных из Германии специалистов советские предприятия направляли в НКВД через соответствующие наркоматы, что порождало бюрократическую волокиту. В октябре 1937 г. Шуленбург жаловался заместителю наркома иностранных дел В.П. Потёмкину, что соглашение о выдаче выездных виз в течение 48 часов постоянно нарушалось советскими властями²⁴.

Иногда немцам не давали визы по соображениям государственной безопасности. Б. Альбрехт в годы Гражданской войны работал в немецкой секции ЦК РКП(б). В начале 1920-х гг. он был командирован на партийную работу в КПГ, став сотрудником советского торгпредства. Альбрехту удалось уговорить полпреда Н.Н. Крестинского оформить ему советское гражданство. По возвращении в СССР выяснилось, что свой новый паспорт он в полпредстве не забрал, а параллельно оформил германское подданство и приехал по въездной визе. Не встретив в Москве приёма, который соответствовал бы его амбициям, Альбрехт решил уехать обратно. Он попросил убежища в посольстве Германии, заявив, что с рождения был подданным Пруссии²⁵. Германские

²¹ РААА. Botschaft Moskau. Akte 193, 325.

²² Правда. 1932. 28 октября. Переписка германских дипломатов с подписантами этого письма продолжалась до весны 1934 г. (РААА. Botschaft Moskau. Akte 196).

²³ См. записку Дирксена «Настроения немецких коммунистов в СССР», направленную в МИД 13 марта 1933 г. Посол отмечал, что многие из них нарушают партийные инструкции и обращаются за поддержкой в германское посольство. В ответе МИД от 22 марта подчёркивалось, что Германия не заинтересована в возвращении бывших коммунистов, а посему консульства не должны оказывать им особого содействия (Ibidem).

²⁴ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. XX. М., 1976. С. 534. Командированные от фирм немцы не раз жаловались, что после выполнения своей работы ждут выездную визу больше недели (АВП РФ, ф. 082, оп. 22, п. 71, д. 4).

²⁵ Данный случай разбирался в самых различных инстанциях. «Я понимаю, – писал Крестинский в НКВД, – что не особенно приятно выпускать из СССР человека, который, вернувшись в Германию при помощи германского посольства, тем самым рвёт с нами, становится нашим врагом, но вряд ли у нас есть формальная возможность его задержать» (ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-62186). Полпред предлагал, в случае если Альбрехт будет настаивать на выезде, показать представителям посольства Германии его анкету, в которой содержались данные и о его партийной деятельности, и о принятии им советского гражданства.

дипломаты, однако, не спешили заступаться за коммуниста, и это развязало руки советским властям. По приговору ОГПУ Альбрехт получил пять лет лагерей, а после «отсидки» выбраться из СССР у него уже не было никаких шансов²⁶.

Наряду с визами заметное место в переписке германского посольства с НКВД в середине 1930-х гг. занимали проблемы, связанные с переходом подданных Германии в советское гражданство. В ходе этой процедуры они сдавали в органы внутренних дел свой заграничный паспорт, который, по мнению германских дипломатов и гестапо, использовался затем для засылки эмиссаров Коминтерна и разведчиков. Согласно установленному порядку паспорт следовало отправить в посольство, что облегчало последнему учёт проживавших в СССР немцев, вышедших из германского гражданства. Сотрудники посольства собирали информацию о таких лицах и путём опроса знакомых. Затем в НКВД направлялись ноты с требованием вернуть паспорта²⁷. Трудности в учёте состава немецкой колонии были порождены тем, что жёны и дети эмигрантов часто не имели собственных документов, а были вписаны в паспорта своих супругов или родителей.

Посольство регулярно информировало НКВД о лишении германского гражданства антифашистов, нашедших прибежище в России. Если эти люди по тем или иным причинам посещали консульский отдел, паспорта у них изымались, о чём выдавались справки. В случае приговора к высылке из СССР посольство заявляло наркомату иностранных дел об отказе принять лишённых гражданства немцев обратно в рейх²⁸.

«Ноябрьские аресты» 1936 г.

В первой половине 1936 г. германские дипломаты отметили нарастающую активность репрессивной машины в СССР. Главной целью превентивного удара они считали старые кадры большевистской партии, способные возглавить реальную оппозицию Сталину. Казалось бы, первый показательный процесс подтверждал эти догадки, хотя в его стенограмме посольство встревожило указание на связь заговорщиков с германским фашизмом. 16 августа Шуленбург встречался с заместителем наркома иностранных дел Н.Н. Крестинским и в мягкой форме пытался убедить того в абсурдности подобных обвинений: «С немецкой точки зрения, троцкисты и зиновьевцы – более левая группа, чем советское правительство, и нельзя представить себе, чтобы германское правительство помогало этой более левой группировке»²⁹. Однако время рациональных аргументов уже прошло. Германия оказывалась самым удобным «образом врага», особенно с учётом того, что её внутренняя политика и риторика её вождей была явно антисоветской.

Нарастанию конфронтации двух стран способствовали начавшаяся в июле 1936 г. гражданская война в Испании, а также речь Гитлера на Нюрнбергском съезде НСДАП 11 сентября того же года, в которой были выдвинуты территориальные претензии к Советскому Союзу. В Германии не прекращались преследования коммунистов, разрушившие их подпольную организацию. В 1936 г. советской стороной была выдвинута идея обмена политическими заключёнными. Крестинский предложил германскому послу обменять содержавшегося в Ярославле нациста Фукса на коммуниста Э. Андре, в июле приговорённого гамбургским судом к смертной казни. Шуленбург ответил отказом, ссылаясь на то, что «германское правительство не может пойти на обмен

²⁶ Освободившись, Альбрехт получил в 1934 г. в германском посольстве новый паспорт, но и на этот раз не смог оформить выездную визу. В 1936 г., устроившись на работу, он вновь принял советское гражданство, но через год был арестован и расстрелян.

²⁷ АВП РФ, ф. 082, оп. 22, п. 70, д. 3. Так, в нотах упоминалась немка Гертруда Фрук, которая была задержана на выходе из посольства, куда обращалась с просьбой вернуть себе германское гражданство (ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 15334).

²⁸ АВП РФ, ф. 082, оп. 22, п. 70, д. 3, л. 125; п. 71, д. 4, л. 37.

²⁹ Там же, ф. 010, оп. 11, п. 69, д. 43, л. 115.

одного германского гражданина на другого германского гражданина»³⁰. Возможно, он действовал бы осторожнее, если бы знал, что ждёт его соотечественников в СССР. 4 ноября Андре был обезглавлен. По стечению обстоятельств именно в ночь с 4 на 5 ноября в Москве прошли первые аресты германских граждан.

Хотя в посольстве имелись сведения только о четырёх арестованных (это были люди, так или иначе связанные с посольством), глава его консульского отдела Г. Гензель уже 5 ноября отправился за разъяснениями в НКВД. Замещавший Шуленбурга Типпельскирх отправил телеграмму послу, находившемуся в Тбилиси: «Причины арестов неизвестны. Похоже, народный комиссариат внутренних дел находится в состоянии повышенной нервозности, что находит своё выражение в усиленном контроле над зданием посольства и проверке его посетителей»³¹. В ночь на 10 ноября в Ленинграде были арестованы 12 человек³². В переписке посольства и МИД Германии появилось выражение «массовые аресты», телеграммой от 9 ноября 1936 г. Типпельскирху было предписано «продолжать протесты до полного разъяснения и немедленно телеграфировать результаты»³³. Уже 10 ноября дипломаты обсуждали, не следует ли рекомендовать всем «политически благонадёжным германским гражданам» покинуть СССР³⁴. Панические настроения охватили и немецкую колонию за пределами Советского Союза – работавшие в Японии немецкие специалисты, боясь ареста, стали отказываться возвращаться в Германию на транссибирском экспрессе.

11 ноября Типпельскирх был принят Крестинским, в ходе беседы обсуждался преимущественно вопрос о произведённых арестах: «Посольству непонятно, по какой причине граждане Германии, давно известные своим безупречным поведением, арестованы, да ещё и в одну ночь»³⁵. Заместитель наркома оказался не в курсе событий, предположив, что таким образом милиция могла перестраховаться в дни октябрьских торжеств. Тон бесед становился напряжённым, и 15 ноября советские власти заявили, что произошедшее не останется без последствий для экономических связей двух стран. Крестинский отметил в своём дневнике, что дал жёсткий отпор собеседнику, однако признал, что тот «говорил без всяких резкостей, но очень взволнованно и огорчённо»³⁶. Типпельскирх указал на то, что в последние дни были арестованы не только германские граждане, но и советские сотрудники посольства и консульств Германии. Среди последних оказались юрисконсульт, пастор столичной общины протестантов и даже врач, после чего ни один из столичных медиков не решался оказывать помощь германским дипломатам.

В ноябрьской переписке посольства и МИД Германии рассматривались два варианта действий: жёсткий и мягкий. По мнению Типпельскирха, аресты иностранных граждан были призваны отвлечь население от внешнеполитических неудач СССР и одновременно мобилизовать его накануне принятия конституции: «Предстоящие конгрессы (съезды Советов. – *А.В.*), в ходе которых будет принята конституция, играют большую роль, давая Сталину возможность расправиться с внутренними и внешними врагами, свалив на них вину за имеющие место трудности. Тем самым среди масс в Советском Союзе создаётся настроение – независимо от хода событий в Испании – которое нынешние властители могут использовать в собственных целях». «Уже более 30 немцев ожидают суда, – отмечал Типпельскирх, – и возникает вопрос, достигла

³⁰ Там же, л. 122.

³¹ PAAA. Botschaft Moskau. Akte 417.

³² Генеральный консул в Ленинграде Зоммер признавал, что трое из арестованных – члены НСДАП и «в своей критике существующих здесь порядков далеко не всегда соблюдали ту осторожность, которую диктует политическое положение». В то же время консул лично ручался за то, что никто из них не занимался шпионажем, а тем более подготовкой террористических актов (*Ibidem*).

³³ *Ibidem*.

³⁴ *Ibidem*.

³⁵ *Ibid.* Politabteilung V. Akte 104384.

³⁶ АВП РФ, ф. 010, оп. 11, п. 69, д. 43, л. 141.

ли прозвучавшая бессмыслица (Берлин как центральная опора троцкизма, Пятаков – агент Троцкого и гестапо и т.д., и т.п.) своих максимальных пределов»³⁷. Совсем скоро стало ясно, что это была только прелюдия к массовым репрессиям.

Считая, что аресты подрывали позитивный образ СССР за рубежом, Типпельскирх предлагал широко использовать прессу: «Представляется крайне важным подчёркивать, что, несмотря на всю болтовню о демократии и принятие советской конституции, Советский Союз остаётся страной азиатского произвола и ужасающего террора, где каждый иностранец находится под угрозой и в любой момент может оказаться действующим лицом при постановке показательного процесса, проведение которого русские сочтут необходимым из внутренних или внешнеполитических соображений»³⁸. Усилиями поверенного в делах была инициирована волна возмущения в германской печати, получившей новую пищу для рассуждений об «азиатско-еврейском большевизме», который ни в грош не ставил человеческую жизнь. Первые заметки от неназванных московских корреспондентов появились в берлинских газетах уже 11 ноября³⁹. Политический характер репрессий не был секретом для журналистов: «Арест 23 немцев, о котором теперь сообщается, не имеет иной цели, как показать русскому народу, в какой степени ему угрожают иностранные интриги и покушения»⁴⁰. В немецкой прессе произошедшее называли вызовом, брошенным Германию, и требовали ответных мер, высказывая предположение, что не за горами очередной показательный процесс, жертвами которого окажутся германские граждане⁴¹.

Позицию Типпельскирха разделял и Гензель, которого мемуаристы называли горячим приверженцем национал-социализма среди сотрудников посольства⁴². Он подготовил аналитическую записку о причинах арестов немецких граждан, допуская, что они могут быть «мстостью за Нюрнберг» или дополнением первого показательного процесса. В то же время он указывал, что НКВД явно имеет иную точку зрения на целесообразность массовых репрессий, нежели НКВД, и это следует использовать в борьбе за освобождение немцев⁴³. Именно эту идею поддержал вернувшийся в Москву Шуленбург. Считая, что любая шумиха повредит делу, он выступил против газетной кампании, сделав ставку на доверительные объяснения с руководителями НКВД, как бы слабы ни были их позиции на фоне всеильного Н.И. Ежова.

9 декабря Крестинский жёстко заявил Шуленбургу, что «НКВД не может принимать к своему производству просьбы о полном прекращении арестов германских граждан», которые занимаются подрывной деятельностью⁴⁴. В отличие от своих заместителей Литвинов пытался избежать «хлопанья дверью». Хотя именно он озвучил в немецкоязычной прессе официальную версию о «германских шпионах», в его статье содержалась явно крамольная мысль о том, что в СССР не арестовывают даже тех немцев, кто имеет фашистские взгляды⁴⁵. Выступая на Чрезвычайном VIII Съезде Советов 28 ноября 1936 г., посвящённом принятию Конституции, нарком вновь упомянул происки фашистской агентуры в СССР. В то же время в ней давалось неожиданное, «житейское», по словам самого Литвинова, определение фашизма, явно не вписывавшееся в каноны марксизма-ленинизма, но вполне адекватно отражавшее практику любого

³⁷ РААА. Politabteilung V. Akte 104384.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ausländerverhaftungen in Moskau // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1936. 11 November. В статье шла речь о «заметной нервозности политической полиции по отношению к иностранцам» – совпадение характерных выражений позволяет говорить о том, что она была продиктована лично Типпельскирхом.

⁴⁰ Frankfurter Zeitung. 1936. 18 November.

⁴¹ АВП РФ, ф. 082, оп. 20, п. 67, д. 16, л. 428–433.

⁴² Herwarth H. Op. cit. S. 105.

⁴³ РААА. Botschaft Moskau. Akte 417.

⁴⁴ АВП РФ, ф. 010, оп. 11, п. 69, д. 43, л. 169.

⁴⁵ Deutsche Zentral-Zeitung. 1936. 18 November.

репрессивного режима, в том числе и сталинского⁴⁶. Так или иначе, тонкий дипломат Шуленбург не мог не почувствовать разницу в тональности наркома и его заместителя. В своих донесениях в Берлин он неоднократно подчёркивал, что Литвинов отказывается защищать репрессии, ему «неприятно происходящее». Именно благодаря содействию наркома иностранных дел состоялась встреча Шуленбурга с В.М. Молотовым, которая сдвинула с мёртвой точки вопрос о дальнейшей судьбе арестованных.

Со своей стороны посол высказался против проведения симметричных контрмер в Германии, хотя этот вопрос обсуждался 23 ноября 1936 г. на совещании ответственных сотрудников МИД и гестапо. По воспоминаниям его личного референта Г. Герварта, Шуленбург осудил идею ответных репрессий, сославшись на то, что попытка её практического воплощения только ухудшит судьбу арестованных немцев в СССР⁴⁷. Посол отдавал себе отчёт и в том, что аресты советских граждан в Германии не произведут никакого впечатления на Сталина, а следовательно, не могут быть предметом дипломатического торга⁴⁸. В конце концов такой подход был принят Берлином. 29 января 1937 г. посольство получило информацию из «русского реферата», что гестапо не видит возможности ответить на аресты немцев аналогичными репрессиями в Германии: «Мы отказываемся использовать те методы следствия, которые являются обычными в СССР, т.е. принуждать обвиняемого к даче признательных показаний»⁴⁹. Обращает на себя внимание то, что в местоимении «мы» МИД идентифицировал себя с одиозной политической полицией. Да и мотивация отказа отдавала лицемерием – к 1936 г. мир уже прекрасно знал, какие методы использовало гестапо для выбивания признаний у противников нацистского режима. Речь шла о другом – гестапо не прибегало к масштабным фальсификациям результатов следствия. После провала Лейпцигского процесса о поджоге рейхстага (1933 г.) оно предпочитало заниматься поиском реальных, а не вымышленных «врагов рейха». А таковых среди советских граждан, проживавших в Германии, практически не было⁵⁰.

Мягкая реакция на «ноябрьские аресты» включала в себя и меры предупредительного характера, чтобы не давать повода советским органам госбезопасности обвинять германских граждан в разведывательной деятельности. 9 февраля 1937 г. управление гестапо сообщило своим местным структурам, что никого из остающихся в СССР немцев не принуждает собирать информацию шпионского характера. Высланным или покинувшим СССР германским гражданам запрещалось вести переписку с оставшимися в стране знакомыми. Невинная просьба собирать туристские схемы советских городов, выраженная в одном из перлюстрированных частных писем, могла обернуться для адресата обвинением в шпионаже⁵¹. Нельзя не признать, что в этом смысле первая фаза «немецкой операции» НКВД выполнила одну из возлагавшихся на нее функций – устрашения.

Работавшие в Берлине советские дипломаты, ежедневно сталкивавшиеся с репрессивной практикой нацистского режима, ожидали более жёсткой реакции на «ноябрь-

⁴⁶ «Если нельзя устранить существующее недовольство и причины, порождающие его, то вполне легко устранить недовольных (общий смех): достаточно запретить гражданам выражать недовольство, лишить их всех средств выражения мыслей, желаний и требований, лишить их газет, собраний, союзов, партий... Это и называется фашизмом». Столь же двусмысленной была фраза о том, что «мы берём выпадающее из слабых рук дряхлеющей буржуазии знамя демократизма» (Правда. 1936. 29 ноября).

⁴⁷ Herwarth H. Op. cit. S. 119.

⁴⁸ После ареста Лурье Шуленбург обсуждал этот вопрос в НКВД, однако последний не показал никакой заинтересованности в судьбе советского инженера (РААА. Politabteilung V. Akte 104374).

⁴⁹ Ibid. Akte 104385.

⁵⁰ «Ни по одному из (проживающих в Германии. – А.В.) советских граждан в гестапо нет достаточного обвинительного материала, чтобы довести дело об их правонарушениях или преступлениях до судебного заседания» (Ibidem).

⁵¹ Ibidem.

ские аресты». Переписка по этому вопросу велась исключительно через германское посольство в Москве. Советский полпред Я.З. Суриц лишь один раз, 16 января 1937 г., был приглашён для беседы по этому поводу к министру иностранных дел К. Нейрату⁵². Позже полпред признал, что «немецкая печать в январе вела себя (за исключением процесса) по отношению к нам сравнительно прилично, в частности, ни слова не писала о московском деле немцев»⁵³. Однако в целом советское полпредство чувствовало на себе последствия репрессивной политики на родине. Его мероприятия бойкотировали высшие германские чины⁵⁴. Суриц (вскоре сам ставший жертвой сталинского террора) 11 марта 1937 г. сообщил о том, что германские власти ужесточили режим пребывания иностранцев в стране – «целятся в наших граждан»⁵⁵. Правовую базу для этого создавал имперский закон об охране границ, принятый в начале того же года⁵⁶.

Помощь арестованным

Протесты руководителей посольства Германии были самой заметной, однако малоэффективной формой заботы об арестованных германских гражданах. Немалое значение для этого имел их тщательный учёт, который вёлся в консульском отделе посольства под грифом «ноябрьские аресты». Данные собирались от родственников и знакомых, обширную информацию в Москву посылали семь германских консульств в различных регионах Советского Союза (это стало причиной их закрытия осенью 1937 г.). Хотя родные и близкие политэмигрантов не обращались в «фашистское посольство», в среднем там учитывалось около $\frac{3}{4}$ всех арестованных германских граждан.

Согласно межправительственному соглашению между СССР и Германией от 1925 г., каждая из стран должна была незамедлительно информировать другую сторону о произведённых арестах. Однако НКВД на первом этапе «немецкой операции» попросту оказался не у дел – органы государственной безопасности либо вообще не сообщали об арестах, либо делали это со значительным опозданием. 28 ноября советское внешнеполитическое ведомство в вербальной ноте посольству признало, что не имеет никаких дополнительных сведений по арестованным⁵⁷. В результате информационный поток был развёрнут в противоположную сторону. Поиск нередко инициировала нота посольства, которая со ссылкой на «третьи лица» сообщала об аресте того или иного гражданина Германии. Это облегчало сотрудникам НКВД собственные розыски, и, вероятно, составление аналогичных списков арестованных. В дальнейшем посольство регулярно запрашивало сведения о ходе следствия и приговоре (по отдельным лицам в архиве сохранилось от трёх до шести нот)⁵⁸.

⁵² Выраженная Нейратом надежда на улучшение двусторонних отношений, отмечал в своём дневнике полпред, «служила ему лишь прикрытием для совершенно конкретной просьбы о смягчении некоторых формулировок в обвинительном заключении против арестованных в Москве немцев» (АВП РФ, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 4, л. 13).

⁵³ Полпред имел в виду подготовку открытого судебного процесса против «германских шпионов» в Москве (там же, л. 1).

⁵⁴ Там же, л. 35.

⁵⁵ ДВП СССР. Т. XX. С. 120.

⁵⁶ Советский дипломат Е. Гнедин, работавший в Берлине, справедливо отмечал в письме в МИД от 17 марта 1937 г., что хотя закон направлен в первую очередь против жителей соседних стран – Польши и Чехословакии, рано или поздно его положения могут быть обращены и против советских граждан (АВП РФ, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 5, л. 17).

⁵⁷ РААА. Botschaft Moskau. Akte 417.

⁵⁸ Так, например, проживавший в Москве Курт Койтц был арестован в феврале 1937 г. и получил приговор Мосгорсуда к 10 годам заключения в октябре того же года (ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-77353), однако германские дипломаты не получили об этом никакой информации. Последний из запросов посольства о ходе следствия по его делу датирован 12 мая 1938 г. (АВП РФ, ф. 082, оп. 22, п. 71, д. 5). В 1940 г. приговор был пересмотрен, и Койтца выслали в Германию.

Вместе с нотой в НКВД направлялись пакет с продовольствием и деньги (50–100 руб.) для арестованных, а также анкета, которую просили заполнить каждого из них. Первоначально сотрудники наркомата выполняли эти просьбы, но как только поток репрессированных вырос, такую практику прекратили⁵⁹. Квитанция о принятии денежного перевода являлась подтверждением, что человек действительно находится в заключении. Незаполненные посольские анкеты сохранились в нескольких следственных делах германских граждан, т.е. их всё-таки передавали в органы НКВД. Некоторые из арестованных впоследствии показывали на допросах в гестапо, что анкеты они отказывались заполнять, боясь, что это провокация. Просьбы о личной встрече с ними представителя посольства отклонялись со стандартной формулировкой: «До окончания следствия свидания не предоставляются»⁶⁰.

«Ноябрьские аресты» породили оживлённую переписку посольства с МИД и гестапо. Из Берлина запрашивали не только списки людей, находившихся под следствием, но и их полные биографические данные, причины приезда в Советский Союз и невозвращения в Германию после прихода к власти нацистов⁶¹. В январе 1937 г. МИД требовал уже составления подробных характеристик по каждому из арестованных с указанием их политических настроений⁶². Эта информация направлялась в гестапо, которое без промедления начинало процедуру лишения германского гражданства тех из арестованных, кто числился «врагом рейха». В результате подобного сотрудничества (хотя утверждение, что «МИД фактически исполнял роль филиала гестапо в ходе преследования немецких антифашистов-эмигрантов»⁶³, является явным преувеличением) количество жертв «ноябрьских арестов» (продолжавшихся и в последующие месяцы) колебалось и в ту, и в другую сторону. Процедура лишения гражданства уже арестованных вызвала настоящее возмущение советских властей, так как органам НКВД приходилось фактически по-новому оформлять следственные документы. Шуленбург лично улаживал данный конфликт, который являлся скорее бюрократическим, нежели дипломатическим. Однако его жертвами были живые люди. Так, Э. Лейбехер получил советское гражданство, но был расстрелян 1 августа 1937 г. Однако его жену и дочь автоматически записали в советское гражданство, в результате чего их отправили в лагерь, а не выслали в Германию⁶⁴. В случае же П. Мейснера гестапо напрямую отправило письмо в посольство, где сообщалось, что тот в письмах родным восхищался Советским Союзом и поэтому будет лишён германского гражданства⁶⁵.

Является ли посетитель коммунистом или нет, в посольстве определяли на глазок, если тот не «засветился» публикациями в коминтерновской прессе. С такими лицами не церемонились, особенно с прибывшими в СССР после января 1933 г. Им трудно было добиться решения простых вопросов, получить нужную справку и т.д. «Сотрудник посольства посмотрел мою карточку и сказал про меня: это коммунист», – говорил на допросе в НКВД Ф. Цик⁶⁶. Сотрудница Исполкома Коминтерна Э. Юст после ареста своего мужа В. Бетхера лишилась не только работы, но и вида на жительство. Находившиеся в Москве руководители КПП ничем не смогли ей помочь, и она отправилась в посольство за паспортом. Там ей заявили не без злорадства, что это является верхом

⁵⁹ РААА. Botschaft Moskau. Akte 418.

⁶⁰ ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 28015.

⁶¹ РААА. Botschaft Moskau. Akte 417.

⁶² Ibid. Akte 418. См. также характеристики на немцев Г. Шэфера и В. Шпекмана, направленные в МИД Германии 6 февраля 1937 г., по остальным 36 арестованным у посольства не было достаточных сведений (РААА. Politabteilung V. Akte 104385).

⁶³ *Борозняк А.И.* «Некролог, который заслужили эти господа». Нацистское прошлое германских дипломатов // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 175.

⁶⁴ Архивно-следственные дела Эрнста, Эрны и Эммы Лейбехер см.: ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-64361, П-20343, П-23002.

⁶⁵ РААА. Botschaft Moskau. Akte 413. Пауль Мейснер в 1936 г. перешёл в советское гражданство, а 23 марта 1938 г. был приговорён к расстрелу (ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-54699).

⁶⁶ ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 27872.

наглости: «Лишь попав в беду, вы находите путь в посольство»⁶⁷. Впрочем, бывали и исключения. Функционер КПГ К. Зингфогель (Гельвиг) с весны 1936 г. обивал пороги германского посольства в Москве, чтобы получить возможность выехать из страны (он прибыл в СССР с семьёй по фальшивому паспорту, но отказывался принять советское гражданство). Гестапо выдвинуло в качестве условия его возвращения на родину дачу показаний о деятельности КПГ⁶⁸. Пока шло согласование деталей, отца и сына арестовали (позже обоих расстреляли в один день). Информацию об этом направили из НКВД в посольство только спустя четыре месяца⁶⁹. Жёну коммуниста, А. Зингфогель, приютили в посольстве, где она провела три недели. Покинув территорию посольства уже с германским паспортом, она тут же была арестована и после полутора лет пребывания в тюрьме выслана из СССР⁷⁰.

Требования Гензеля о предоставлении доступа к арестованным германским гражданам оставались без ответа, равно как и просьбы в получении информации о том, в чём же их обвиняют⁷¹. На 1 февраля 1937 г. в списке посольства значились 38 граждан Германии, которые продолжали находиться под следствием. Германские дипломаты выражали обоснованные опасения, что после завершения судебного процесса Радека–Пятакова органы госбезопасности СССР примутся за немцев⁷². Однако до «немецкого процесса» так и не дошло. Количество арестованных германских граждан явно превышало фантазию Ежова и его подручных, работавших над подготовкой сценария подобного судилища. 22 февраля Крестинский объявил Шуленбургу, что в ближайшее время ряд находившихся под следствием немцев будет выслан из страны. 27 февраля к ним был допущен Гензель, который в своём отчёте скрупулёзно отмечал, у кого из немцев наличествует «еврейский облик». Дыхание расистской политики Третьего рейха чувствовалось даже в Москве. Впрочем, кривить душой дипломат не стал, признав, что самым «арийским типом» оказался коммунист В. Пфейфер, отказавшийся возвращаться в Германию⁷³. Со следующей партией германских граждан Гензель встретился только 29 июня. Представитель НКВД, присутствовавший при встрече, выразил протест, когда начальник консульского отдела приветствовал первого из немцев возгласом: «Хайль Гитлер!». Гензель отметил подавленное состояние своих собеседников, связанное, как он предположил, с вымученными у них признаниями в шпионаже. Он «обещал всем четверым, что в Германии их ждёт дружественный приём», и просил по пути на родину не давать никаких интервью журналистам⁷⁴. Это был последний визит германского дипломата в приёмную НКВД на Лубянке – через месяц конвейер репрессий заработал с немислимой скоростью, и о встречах с приговорёнными к высылке не было уже и речи.

Сотрудники посольства в своих донесениях в Берлин просили обеспечить немцам, высланным из Советского Союза, «щадающий режим». Это не освобождало последних от многочасовых допросов в гестапо. Первые протоколы допросов, где живописались методы психологической обработки подследственных на Лубянке, были получены в посольстве уже в марте⁷⁵. Данное обстоятельство только увеличило накал страстей в и без того напряжённом диалоге советских и германских дипломатов. 27 марта 1937 г. вернувшегося в Москву Шуленбурга принял Литвинов, которого предупредили о том, что во время пребывания в Берлине его собеседник изменил свою благожелательную

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 205, д. 6411, л. 53. Эдит Юст была выслана из СССР, в ходе допросов в гестапо она дала подробную информацию о структуре и методах работы Коминтерна.

⁶⁸ РААА. Botschaft Moskau. Konsulatsabteilung. Akte Singvogel. По делу Зингфогеля глава консульского отдела посольства Гензель вёл переписку напрямую с гестапо, минуя МИД.

⁶⁹ АВП РФ, ф. 082, оп. 21, п. 68, д. 4, л. 18.

⁷⁰ ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 28484.

⁷¹ РААА. Botschaft Moskau. Akte 417.

⁷² Ibid. Politabelung V. Akte 104385.

⁷³ Ibidem.

⁷⁴ РААА. Botschaft Moskau. Akte 419.

⁷⁵ Ibid. Akte 418.

позицию по отношению к России, рисуя её внутреннее положение в самых мрачных тонах⁷⁶. В ходе беседы посол заявил, что не в интересах Германии, стремящейся иметь свободу рук на международной арене, провоцировать Советский Союз шпионажем и диверсиями. Логика Шуленбурга выдавала в нём дипломата традиционной школы, который рассматривал происходившее в стране своего пребывания сквозь призму двусторонних отношений. Однако применительно к репрессиям в СССР эта логика не действовала. Сталин меньше всего думал о том, чтобы арестами германских граждан оказывать давление на Гитлера, он преследовал внутривластные цели. Об этом был прекрасно осведомлён Литвинов, не без сарказма ответивший Шуленбургу: «Я не могу, к сожалению, сообщить органам безопасности содержание беседы посла с Гитлером и не знаю, какую оценку они дали бы этой беседе»⁷⁷.

После трёх встреч, прошедших в минорной тональности, 17 апреля Литвинов совершенно по-иному беседовал с Шуленбургом, причиной чего, видимо, был некий план, одобренный свыше. «Я слежу за этим делом и работаю в желательном направлении и рассчитываю добиться освобождения значительного числа немцев, намеченных для процесса», – сказал он послу⁷⁸. Так как показательного процесса не предполагалось, 21 апреля нарком иностранных дел предложил Сталину начать торг вокруг арестованных граждан Германии, желая «получить от немцев некоторую компенсацию»⁷⁹. Через день Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось с его предложениями⁸⁰. Свою роль в отказе от процесса сыграло и то, что сотрудники НКВД неоднократно писали «наверх», что тяжёлые приговоры ухудшат положение коммунистов, находившихся в нацистских концлагерях⁸¹.

Первый список арестованных германских граждан посольство отправило в НКВД 31 мая. Через неделю заместитель наркома В.П. Потёмкин заявил Шуленбургу, что около 50 из них будут высланы из страны в ближайшее время⁸². Глава политического отдела МИД Э. Вайцзеккер, встретившись в конце мая в Берлине с советским поверенным в делах Г.А. Астаховым, признал, что «советско-германские отношения достигли наихудшего состояния»⁸³. После того как стороны неформально согласились на обмен арестованных немцев на советских моряков, захваченных правительством Франко, в этих отношениях как будто начала появляться положительная динамика⁸⁴. 12 июня 1937 г., сообщая в НКВД об аресте двух советских граждан в Берлине, Астахов сделал вывод: «Создаётся впечатление, что немцы хотят нажать на нас, ускорив вопрос о высылке германских граждан за границу»⁸⁵.

Однако сколько-нибудь заметного потепления в отношениях двух стран так и не произошло. Проанализировав советскую прессу, продолжавшую нагнетать шпионские страсти, германские дипломаты сделали вывод о том, что в СССР «всеобщая подозрительность становится законом, а безграничное доносительство всячески поощряется

⁷⁶ ДВП СССР. Т. XX. С. 139.

⁷⁷ Согласно дневнику Литвинова, Шуленбург заявил, что «был только что в Берлине, и Гитлер его заверял, что он о войне и не помышляет, но что, конечно, в случае международного конфликта он должен сохранить свободу действий, чтобы бросить в надлежащий момент вес Германии на надлежащую чашу весов. Из этого посол делает вывод, что аресты совершенно неосновательны и без надобности ведут к обострению отношений» (АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 127, д. 4, л. 17).

⁷⁸ Там же, л. 27–28.

⁷⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. С. 133.

⁸⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 21, л. 29.

⁸¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. С. 161.

⁸² РААА. Botschaft Moskau. Akte 418.

⁸³ АВП РФ, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 5, л. 89.

⁸⁴ См. телеграмму МИД Германии в посольство от 9 июля, в которой выражалась надежда, что после обмена арестованных германских граждан на советских моряков по принципу «всех на всех» вопрос будет окончательно закрыт (РААА. Politabteilung V. Akte 104400).

⁸⁵ АВП РФ, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 5, л. 100.

властями»⁸⁶. Из германских консульств шла информация о том, что «терроризирование местного населения» приобретает всё больший масштаб, доходя на местах до «бесконтрольной диктатуры ГПУ, защитой от которой не является даже партбилет!»⁸⁷ «Больше ни с кем из русских нельзя встречаться, а тем более начинать разговор, – суммировал свои столичные впечатления военный атташе генерал Э. Кёстринг. – Китайская стена, которую возводит вокруг себя Советская Россия, с каждым днём становится всё выше и прочнее»⁸⁸.

«Июльские аресты» 1937 г.

Подписанный 25 июля 1937 г. приказ НКВД № 00439 предусматривал поголовное репрессирование германских граждан, занятых в оборонной промышленности и на транспорте. На сей раз речь шла уже не о разгроме шпионской сети, а о превентивном уничтожении «кадров диверсантов», готовых к активным действиям в случае начала войны⁸⁹. По решению Политбюро органы государственной безопасности перешли от точечных ударов к «огню по площадям». В ночь на 31 июля в Харькове арестовали 17 немцев. Из Ленинграда и Киева первые сообщения об арестах пришли в начале августа. В самой Москве только за первую неделю месяца были арестованы 130 граждан Германии, 69 из них – областным управлением НКВД⁹⁰.

Уже 31 июля германское посольство направило в НКВД вербальные ноты по первым арестованным – Г. Унгару и К. Гюбнеру⁹¹. 7 августа Типпельскирх (Шуленбург был в отъезде) добился приёма у Литвинова, однако не получил внятных разъяснений. Согласно немецкой записи беседы, нарком в очередной раз расписался в собственном бессилии, заявив, что «у него нет никаких средств воздействия» на органы НКВД⁹².

Германский поверенный в делах вновь предложил Берлину начать кампанию в прессе, чтобы оказать давление на советское правительство, и подготовил проект соответствующего сообщения для информационного агентства Германии – ДНБ⁹³. Министрство иностранных дел на первых порах намеревалось проявить сдержанность и рассматривать массовые аресты в СССР как акцию, направленную не только против немцев, но и против всех иностранцев. Однако масштабы репрессий нарастали с каждым днём, и уже 16 августа МИД рекомендовал всем гражданам Германии, за исключением приехавших в краткосрочные командировки, покинуть Советский Союз⁹⁴.

Согласно сводке, подготовленной посольством 11 августа, 211 граждан Германии находились в советских тюрьмах, причём следствие по «ноябрьским арестованным» до сих пор не было закончено. Больше всего арестов пришлось на Москву (79 человек),

⁸⁶ PAAA. Botschaft Moskau. Akte 333.

⁸⁷ Ibid. Akte 213.

⁸⁸ Köstring E. Der militärische Mittler zwischen dem deutschen Reich und Rußland 1921–1941. Frankfurt a/M, 1965. S. 180.

⁸⁹ Охотин Н., Рогинский А. Указ. соч. С. 36.

⁹⁰ Там же. С. 38. Данные по областному управлению НКВД составлены на основе архивно-следственных дел, хранящихся в ГА РФ (ф. 10035, оп. 1–2).

⁹¹ АВП РФ, ф. 082, оп. 21, п. 68, д. 3, л. 203–204.

⁹² Akten zur deutschen Auswärtigen Politik, 1918–1945. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes (далее – ADAP). Serie C. Bd. VI, 2. Göttingen, 1981. S. 1064.

⁹³ О том, что Типпельскирх в те дни находился в состоянии, близком к панике, свидетельствует явная ошибка в первом предложении этого документа: «В последние годы началась новая, очевидно планомерная волна арестов германских граждан, проживающих в Советском Союзе». Эта ошибка была учтена при редактировании сообщения информационного агентства, где речь шла уже о «последних неделях», однако осталась в публикации телеграммы в сборнике документов германской внешней политики (Ibidem). С этой поправкой проект Типпельскирха был опубликован в печати (Ausländerverfolgung in der Sowjetunion // Völkischer Beobachter. 1937. 13 August).

⁹⁴ ADAP. Serie C. Bd. VI, 2, S. 1075.

затем следовали консульские округа с центрами в Харькове (27), Ленинграде (29) и Новосибирске (23 человека). О многих случаях посольство попросту не знало – у людей не было близких, которые могли бы сообщить об арестах, а родственники коммунистов идти в посольство боялись. В то же время многие мужья заранее просили своих жён, в том числе и русских, обратиться в посольство в случае их ареста – сказывалась информация о первой волне арестов и случаях высылки.

Германским дипломатам приходилось перебиваться непроверенными слухами, которые, однако, выглядели весьма правдоподобно. В той же сводке приводился разговор жены одного из арестованных с соседом – «сотрудником ГПУ». Тот советовал немецкой семье поскорее покинуть СССР, так как её всё равно вышлют в принудительно порядке. Перед органами госбезопасности была поставлена следующая задача: «Тыл должен быть очищен не только от немцев, не занимающихся политической деятельностью, но и от политических эмигрантов», т.е. немецких коммунистов⁹⁵. Это в значительной мере расширяло круг жертв «немецкой операции» НКВД. 16 августа посольство переслало обновлённый список арестованных германских граждан в НКВД Потёмкину, одновременно по каждому отдельному случаю составлялись вербальные ноты. К концу сентября количество арестованных выросло до 376 человек.

Работавшие в Берлине советские дипломаты в своих донесениях в Москву с некоторым удивлением отмечали: «Репрессий против советских работников в Германии (в ответ на аресты немцев у нас) пока незаметно и никаких намёков в этом смысле мы не получали»⁹⁶. Автору донесения Астахову приходилось нелегко – он оставался один «на хозяйстве». Сразу же после вручения верительных грамот летом 1937 г. полпред К.К. Юренёв был отозван в СССР и арестован. Реагируя на запросы и упреки германских дипломатов, Астахов был максимально сдержан: «Ответил всё, что полагается», «об арестах немцев повторил наш обычный ответ»⁹⁷.

В сентябре МИД Германии по соображениям государственной безопасности потребовало выезда в трёхдневный срок сотрудника советского консульства в Кёнигсберге. Шла постоянная дискриминация граждан СССР при прохождении пограничного контроля, проводились обыски на советских кораблях в германских портах⁹⁸. Освобождённые в Испании советские моряки при пересадке на советский пароход в германском порту Вильгельмсхафен несколько дней находились «в распоряжении гестапо», которое пыталось их завербовать⁹⁹.

Точечные уколы не вызывали особой реакции советской стороны. На совместных совещаниях с представителями гестапо сотрудники МИД обсуждали ужесточение мер реагирования, которые выглядели всё более «симметричными», т.е. копировали принятые в СССР практики обращения с иностранцами. Так, с 29 декабря 1937 г. для всех советских граждан, проживавших в Германии, ввели процедуру получения «выездных виз», имевшуюся в СССР. Для получения такой визы (фактически идентичной виду на жительство) человек должен был представить справку, что советские власти не возражают против его возвращения на родину. Это породило наплыв посетителей в советское консульство в Берлине, но не все получали такие разрешения, а без них им приходилось покидать Германию¹⁰⁰. 5 января 1938 г. по указу Г. Гимmlера началась административная высылка из страны евреев с советскими паспортами, затронувшая около тысячи человек¹⁰¹. Не подчинившихся указу отправляли в концлагерь. Полпредство СССР в отдельных случаях протестовало по этому поводу и просило продлить срок пребывания в Германии того или иного человека, чтобы позволить ему закончить

⁹⁵ РААА. Politische Abteilung V. Akte 104385.

⁹⁶ АВП РФ, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 5, л. 166.

⁹⁷ Там же, л. 230, 268.

⁹⁸ ДВП СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 40–41.

⁹⁹ АВП РФ, ф. 082, оп. 20, п. 86, д. 5, л. 230, 242–245.

¹⁰⁰ Там же, оп. 21, п. 89, д. 4, л. 288–289.

¹⁰¹ ADAP. Serie D. Bd. I. Baden-Baden, 1950. S. 731.

свои дела и найти прибежище в одной из третьих стран. Практика советской эпохи, согласно которой дипломатические представительства несли ответственность лишь за лиц, находившихся за границей по делам службы, обернулась изгнанием с насиженных мест большинства советских граждан, постоянно проживавших в Германии.

Документы внешнеполитического ведомства Германии подтверждают, что оно принимало активное участие в разработке ответных репрессий и лишь корректировало их в пользу некоторого смягчения. Так, из числа подлежащих высылке евреев были исключены работники торгпредства и врач советской колонии в Берлине. По просьбе МИД министерство Геббельса согласилось не использовать вопрос о высланных немцах в пропагандистских целях, так как это могло бы ухудшить положение тех, кто ещё ждал решения своей участи в СССР¹⁰².

Оценки репрессий германскими дипломатами

Существенным фактором, повлиявшим на оценки «большого террора», содержащиеся в мемуарах германских дипломатов, работавших в Москве во второй половине 1930-х гг., стало время их выхода в свет – послевоенная эпоха, конфронтация «холодной войны». Обращение к архивным источникам позволило уточнить многие существенные эпизоды, отразившиеся в воспоминаниях, в том числе в контексте оперативной реакции персонала посольства на происходившие в СССР события. Признания жертв показательных процессов (в отличие от дипломатов других стран немцы не посещали судебные заседания в Доме Союзов) выглядели как минимум нелепыми, и дипломаты гадали о том, какие меры воздействия использовали органы следствия, чтобы вложить в уста подсудимых, например, тезис о сотрудничестве «международного троцкизма и фашизма». Авторы донесений из Москвы были едины в том, что аресты советских высших чинов во всех сферах управления нанесли непоправимый удар как по международному авторитету СССР, так и по его оборонному потенциалу. Кёстринг не без злорадства писал о раскрытии «заговора генералов» в Красной армии: «С нашей точки зрения тот факт, что мнительный политик натравил своего злобного пса, чтобы уничтожить лучшее, что здесь есть – армию – нельзя не приветствовать»¹⁰³.

Ситуация изменилась, когда в роли троцкистов, шпионов и диверсантов стали оказываться подданные Германии. Освещение этих арестов в прессе отражало общую атмосферу подозрительности и «повышенной бдительности», которой высшая власть прикрывала собственный произвол, подчёркивали в своих донесениях дипломаты. «Акты террора обращены против всех слоёв местного населения. Волна арестов затронула также (политических. – *А.В.*) эмигрантов и членов иностранных (коммунистических. – *А.В.*) партий, по отношению к которым обладание партийным билетом рассматривается как попытка замаскироваться»¹⁰⁴. В этих условиях сотрудники НКВД сами оказались в роли потенциальных жертв репрессий. Будучи несогласными с происходившим в стране, они не могли оказать на него никакого влияния.

Любые попытки установить рациональные мотивы арестов заканчивались провалом. Дипломаты получали сообщения, что они идут волной от завода к заводу, опустошая дома, в которых проживали иностранные инженеры и рабочие. Наряду с «арестами советских граждан, которые, слава Богу, нас не касаются», как отмечал в одном из писем Гензель, в СССР шло настоящее выкорчёвывание иностранных диаспор¹⁰⁵. Адресат его письма, консул Германии в Новосибирске М.В. Мейер-Хейденхаген вносил дополнительные штрихи в общую картину. Аресты являлись формой выдавливания иностранных граждан из Сибири, поскольку многие из тех, кто был лишён вида на жительство, не спешили покидать СССР. «Отсутствие судебных приговоров застав-

¹⁰² PAAA. Büro der Auslandsorganisation der NSDAP im Aussenamt. Akte 27224.

¹⁰³ *Köstring E.* Op. cit. S. 181.

¹⁰⁴ PAAA. Botschaft Moskau. Akte 260.

¹⁰⁵ *Ibid.* Akte 419.

ляет предположить, что арестованных планируют использовать в качестве заложников»¹⁰⁶, – писал консул. Он также обращал внимание на трагическую судьбу родных и близких арестованных немцев, особенно если их жёны не успели перейти в германское гражданство. Для содействия их выезду за границу консульство выдавало необходимые справки, однако не могло помочь в борьбе с бюрократическими учреждениями сталинского режима.

Тотальный и одновременно хаотичный характер террора отражён в донесении генерала Кёстринга от 25 декабря 1937 г.: «Даже при анализе арестов нельзя выявить какую-то линию, которой следует власть. Они затрагивают всех без исключения. Десятки квартир в рабочих кварталах опечатаны»; «значительная часть партийного и государственного аппарата, руководителей экономики сменена. Повсюду появляются новые незнакомые лица. Они ещё ничего не умеют, но до поры до времени не представляют опасности. Те средства, которые были собраны народом ценой больших жертв и затрачены на обучение “ликвидированных”, оказались потраченными впустую»; «Азия отгораживается от Европы китайской стеною. Выселение нерусских из приграничных областей её укрепляет. Ничего нового. Всё это уже происходило при царе, хотя и в не столь жестокой форме»¹⁰⁷.

Сам факт того, что советский режим скатывался к «красному самодержавию», не вызывал морального осуждения германских дипломатов. Шуленбург считал это возвращением к нормальности, неизбежным после революционных потрясений. Выступая в ноябре 1937 г. перед слушателями Академии вермахта, он рассматривал данный процесс в контексте усиления России, которая рано или поздно будет добиваться восстановления утраченных геополитических позиций¹⁰⁸. К «большой чистке» в СССР внимательно присматривалось и руководство Третьего рейха, хотя с иных, нежели дипломаты, позиций. Гитлер пытался разглядеть в ней антисемитские нотки, его соратники обращали внимание на утверждение культа вождя и укрепление силовых структур. Так или иначе, Сталин стал внушать уважение в Берлине. Г. Хильгер, возглавлявший экономический отдел германского посольства в Москве, подчёркивал, что без проведения репрессий, прежде всего в руководстве ВКП(б), было бы невозможным последующее сближение Сталина и Гитлера¹⁰⁹.

Хотя «немецкая операция» НКВД в начале 1938 г. достигла максимума, потенциал доступных для неё германских граждан был практически исчерпан. Органы государственной безопасности переключились на этнических немцев, эмигрантов из Германии, получивших советское гражданство, на людей, имевших связи с посольством и консульствами, даже на военнопленных Первой мировой войны. Цифра арестованных, которой оперировали германские дипломаты в первой половине 1938 г., росла в основном за счёт поступавшей со значительным опозданием информации о немцах, арестованных ранее. Максимальное число одновременно находившихся в списках не превышало 500 человек. С учётом лиц, о которых не было достоверных данных, в посольстве исходили из цифры в 700–800 германских граждан, обвинявшихся в 1936–1938 гг. в политических преступлениях¹¹⁰.

Из списков арестованных постоянно исключались не только высланные из СССР, но и лица, лишённые германского подданства. Таковых к концу апреля 1938 г. было 29 человек. Несмотря на ноты посольства, НКВД не успевал передавать в органы гос-

¹⁰⁶ Ibid. Politische Abteilung V. Akte 104386.

¹⁰⁷ Köstring E. Op. cit. S. 186.

¹⁰⁸ Подробнее об этом докладе см.: *Ватлин А.Ю.* Граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург и эпоха массовых репрессий в СССР // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 41–47.

¹⁰⁹ *Hilger G.* Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt a/M, 1964. S. 276–277.

¹¹⁰ В сводке посольства от 7 февраля 1938 г. называлась цифра в 508 учтённых арестованных на 1 ноября 1937 г., за три последующих месяца к ним прибавилось ещё 114 человек, около ста немцев за эти месяцы покинули Советский Союз по приговору Особого совещания НКВД (РААА. Botschaft Moskau. Akte 420).

безопасности соответствующую информацию, в результате конфликты вокруг гражданства того или иного арестованного возникали вновь и вновь. Так, нота о лишении арестованного Ф. Бека германского гражданства была отправлена посольством в наркомат иностранных дел ещё в январе 1938 г., но в мае оттуда пришли документы о его предстоящей высылке из СССР¹¹¹.

Обширная переписка по поводу арестованных лишь в исключительных случаях могла повлиять на их судьбу. На пике «массовых операций» органы НКВД трактовали сложные случаи в свою пользу – обвиняемого, за которым не стоял авторитет иностранного государства, проще было приговорить к расстрелу. В качестве примера можно привести судьбу архитектора Р. Зурке, который был арестован как «лицо вне подданства». С ним случилась обычная по тем временам история – Зурке просрочил свой германский паспорт, пока ждал решения о предоставлении советского гражданства. Его уволили с работы, что означало автоматическое лишение вида на жительство, и он отправился в посольство оформлять документы на выезд из СССР. Там забрали просроченный паспорт и велели приходить через три месяца. Но уже через несколько дней Зурке арестовали, его жена и двое детей были вынуждены выехать в Германию. На свои запросы о судьбе архитектора посольство вначале получало стандартные отписки, что данных на него в органах внутренних дел не имелось. Но дипломаты продолжали настаивать, ссылаясь на то, что при аресте присутствовала его жена¹¹². НКВД попал в неловкое положение, после чего сделал форменный выговор органам госбезопасности – «просим срочно ответить по существу этого дела». После полугодовой переписки последним пришлось сознаться – да, арестован, но у Зурке не имелось при себе никаких документов, подтверждавших его иностранное подданство. Ни НКВД, ни посольство не были проинформированы о том, что немецкий архитектор к тому моменту был уже полтора года как расстрелян. История повторилась и в 1980 г., когда родившаяся в Советском Союзе и проживавшая в ФРГ дочь Зурке попыталась выяснить судьбу отца. Родные узнали правду о его трагической кончине только десять лет спустя¹¹³.

Высылка германских граждан из СССР

Высылка из СССР граждан Германии, обвинённых в политических преступлениях, рассматривалась обеими сторонами как компромиссное решение проблемы и практиковалась задолго до эпохи «большого террора». Для органов госбезопасности такая мера являлась признанием их успехов в разоблачении того или иного «шпиона», избавляя от необходимости доказательства его конкретной вины. Постановление о высылке выносило Особое совещание (ОСО) НКВД. Понятно, что вопрос о пересмотре такого приговора не мог быть поднят как в силу его внесудебного характера, так и за отсутствием на территории СССР самого репрессированного. Для германских дипломатов высылка означала освобождение человека «из лап ГПУ» с одновременной передачей ответственности за его судьбу властям Третьего рейха. Возможность «высылки части арестованных за границу» предусматривалась в решении Политбюро от 20 июля 1937 г., ставшем исходной точкой «немецкой операции» НКВД¹¹⁴. Если до ноября того же года по приговорам было выслано около 30 германских граждан, то к августу 1938 г. их число достигло 560 человек¹¹⁵. Решений ОСО было несколько больше, нежели лиц, реально высланных из СССР: в Москве и Московской обл. по тем или иным причинам приговоры к высылке не приводились в исполнение в каждом десятом случае¹¹⁶.

¹¹¹ АВП РФ, ф. 082, оп. 22, п. 71, д. 5, л. 100.

¹¹² Там же, п. 72, д. 7, л. 110.

¹¹³ ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 24292.

¹¹⁴ *Охотин Н., Рогинский А.* Указ. соч. С. 35.

¹¹⁵ РААА. Botschaft Moskau. Akte 421.

¹¹⁶ Подсчитано на основе архивно-следственных дел, хранящихся в ГА РФ (ф. 10035, оп. 1–2).

Масштаб репрессий в отношении иностранных подданных во второй половине 1937 г. не шёл ни в какое сравнение с «ноябрьскими арестами»¹¹⁷. Германским дипломатам пришлось отказаться от встреч с приговорёнными к высылке, дело ограничивалось визированием присланных из НКВД паспортов (туда проставлялась транзитная польская виза) и выдачей денег на проезд до Германии (10 американских долларов).

Постоянные требования посольства об ускорении процедуры отправки на родину имели важное значение для приговорённых – у некоторых из них между датой решения ОСО и фактической высылкой проходило несколько месяцев. Так случалось, когда отсутствовали те или иные документы (например, был просрочен паспорт), либо человек мог быть использован для разоблачения новых шпионских сетей. Сообщая в МИД о возвращении того или иного немца, посольство просило обеспечить его питанием и жильём, провести дезинфекцию багажа. И в том же письме давало информацию о его принадлежности к КПГ и антифашистской деятельности, что обеспечивало высланному из СССР пристальное внимание гестапо, а в перспективе – тюрьму или концлагерь в Третьем рейхе. Около трети немцев, приговорённых к высылке, вообще не фигурировали в посольских списках¹¹⁸. В то же время некоторых людей из этих списков сотрудники НКВД так и не смогли найти, несмотря на постоянные напоминания дипломатов¹¹⁹. Кроме того, советские власти не предоставляли германской стороне информацию по политэмигрантам, которые прибыли в СССР по подложным паспортам¹²⁰.

Посольство было вынуждено обновлять свои данные едва ли не ежедневно, проводя одновременно селекцию тех, кого следовало выслать в Германию в первую очередь. Нотой от 14 января 1938 г. оно отправило в НКВД такой список из 87 имён. В его основе лежали гуманитарные соображения (женщины, больные, пожилые), но нельзя исключать и иные мотивы, вплоть до «политической благонадёжности» лиц, оказывавших те или иные услуги германским дипломатам. В любом случае последние отдавали себе отчёт в том, что заступничество за кого-либо из арестованных вызовет удвоение интереса к нему со стороны советских органов госбезопасности. 31 января Шуленбург вторично передал Потёмкину список на 87 лиц, однако возможности советских дипломатов повлиять на ведомство Ежова были крайне ограничены: за последующий месяц из этого списка на родину отправился только один человек¹²¹. Гестапо, в свою очередь контролировавшее процесс вынужденной репатриации, неоднократно заявляло посольству об «особом интересе» в высылке того или иного немца – речь шла, как правило, о коммунистах и лицах, известных своими антифашистскими взглядами¹²².

«Аншлюс» добавил работы сотрудникам посольства – репрессированные в СССР австрийцы стали рассматриваться как германские граждане. Речь шла прежде всего о шуцбундовцах – участниках антифашистского восстания 1934 г., которые получили

¹¹⁷ С 1 ноября до конца 1937 г. были приговорены к высылке 111 человек, за тот же период без ареста, путём изъятия вида на жительство был принужден к выезду из СССР ещё 51 германский гражданин (РААА. Politische Abteilung V. Akte 104401).

¹¹⁸ На конец апреля 1938 г. в посольство из НКВД поступили данные о приговоре к высылке 486 германских граждан, из них только 319 были в списках, которые велись в посольстве (РААА. Botschaft Moskau. Akte 420).

¹¹⁹ Низовые структуры НКВД реагировали на запросы, поступавшие из внешнеполитического ведомства, лишь формальными отписками. Так, арестованный 9 сентября 1937 г. слесарь московского автозавода им. Сталина Э. Зевтц не был «найден» вплоть до своей высылки в ноябре следующего года (АВП РФ, ф. 082, оп. 22, п. 71, д. 6, л. 213).

¹²⁰ РААА. Botschaft Moskau. Akte 420. В практике НКВД эти лица приравнивались по своему правовому статусу к советским гражданам.

¹²¹ АВП РФ, ф. 011, оп. 2, п. 20, д. 205, л. 15, 84.

¹²² См., например, письмо гестапо в посольство Германии в Москве от 15 декабря 1938 г. по поводу Карла Фрейзе, до отъезда в СССР являвшегося активным членом КПГ, а затем работавшего агрономом в одном из подмосковных совхозов (РААА. Botschaft Moskau. Konsulatsabteilung. Akte Freyse).

политическое убежище в Советском Союзе. 6 апреля 1938 г. в Москву пришло указание из МИД Германии, что гестапо высказалось за помощь бывшим шувбундовцам в возвращении их на родину – «личный опыт в достаточной степени излечил их от большевизма»¹²³. Особой категорией лиц являлись австрийские граждане, по тем или иным причинам не получившие выездную визу из СССР и проживавшие на территории посольства Австрии, так как при выходе из него им грозил арест. При содействии НКВД эти лица, ставшие теперь подданными Третьего рейха, смогли выехать из Советского Союза. На территории посольства Германии несколько месяцев проживали жёны покинувших СССР германских дипломатов, процесс их выхода из советского гражданства затягивался, что стало предметом беседы Шуленбурга и Литвинова 13 декабря 1938 г.¹²⁴

На протяжении 1938 г. сотрудники германского МИД продолжали оказывать давление на полпредство СССР в Берлине, настаивая на освобождении или высылке германских граждан. Советник полпредства Николаев отмечал в дневнике свою беседу с сотрудником «русского реферата» В. Вельком 19 января 1938 г.: «Разговор окончился обычным нытьём, т.е. как он называет, беспокойством по поводу арестов немцев в СССР, число которых, по его сведениям, доходит до 700 человек. Язвительно улыбаясь, он заметил, что арестованы все, а находящихся на свободе просто “забыли” арестовать»¹²⁵. Дипломаты сталинской школы искали подвоха со стороны классового врага и не могли понять позицию германской стороны, когда та в ходе контактов просила о «фактическом разрешении этой проблемы из чисто гуманитарных соображений»¹²⁶. Для советской стороны было характерно иное понимание служебного долга: сограждане делились на несколько категорий, самую важную из которых составляли сами дипломаты и командированные в Германию сотрудники советских госучреждений. О судьбе работавшего в советском полпредстве в Австрии и арестованного после «аншлюса» Франца Фейерхерда шли постоянные запросы в МИД Германии, притом, что шесть его братьев и сестёр в Советском Союзе стали жертвами «большого террора»¹²⁷.

Во второй половине 1938 г. процесс высылки германских граждан практически остановился, хотя в списках посольства оставалось ещё около 300 человек, судьба которых так и не была выяснена. Шуленбург в переписке с МИД Германии настаивал на скорейшей отправке последней партии советских моряков из Испании, чтобы закрыть вопрос их обмена на арестованных германских граждан по принципу «всех на всех». К этой теме он постоянно возвращался и в ходе своих встреч с руководителями НКВД, подчёркивая, что «рекомендуемый им жест (доброй воли. – *А.В.*) был бы должным образом оценён в Берлине»¹²⁸. В германской ноте от 30 декабря говорилось, что «посольство надеется на добрую волю Советского правительства... после того, как Германское правительство в свою очередь показало и продолжает показывать добрую волю своим заступничеством за заключённых в Испании советских людей»¹²⁹. За пышными фразами скрывалось бессилие германских дипломатов добиться решения данного вопроса без изменения общего климата в отношениях между двумя странами, на чём настаивала советская сторона. Новым являлся только приложенный к ноте список на 31 ребёнка, родители которых считались репрессированными (как правило, отец – германский гражданин – был выслан по приговору ОСО, а мать – советская гражданка – находилась в заключении). Шуленбург проявил удивительную настойчивость в решении их судьбы, выражая «недоумение, какой интерес для совет-

¹²³ РААА. Botschaft Moskau. Akte 421.

¹²⁴ АВП РФ, ф. 082, оп. 22, п. 72, д. 8, л. 193.

¹²⁵ Там же, оп. 21, п. 89, д. 4, л. 16.

¹²⁶ Там же, л. 120.

¹²⁷ Там же, п. 81, д. 4, л. 293. О трагической судьбе семьи Фейерхерд см.: *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба: «массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М., 2004. С. 186–191.

¹²⁸ АВП РФ, ф. 011, оп. 2, п. 20, д. 207, л. 120.

¹²⁹ Там же, ф. 082, оп. 22, п. 72, д. 8, л. 251–252.

ских властей представляет задержание в СССР малолетних германских подданных, лишённых попечения родителей»¹³⁰.

Остававшиеся в советских тюрьмах и лагерях граждане Третьего рейха не были забыты в процессе резкого потепления советско-германских отношений летом 1939 г. В служебной записке политического отдела МИД, датированной 23 августа, шла речь о 352 германских гражданах, продолжавших находиться в заключении по политическим обвинениям. Приводимые в ней характеристики свидетельствовали о том, как далеко зашла нацификация внешнеполитического ведомства: «Лишь меньшинство из этих людей было виновно в собственной национальной неполноценности: они не получили воспитания в национальном духе во времена Третьего рейха, ибо покинули Германию во времена системы (Веймарской республики. – *А.В.*). Это звучит парадоксально, но большинство из них стало национально мыслящими людьми в результате пребывания в Советском Союзе. Наглядный урок большевизма и условия русской жизни совершили то, что упустила в своё время сделать их родина»¹³¹. Есть все основания предположить, что оригинал этой записки находился в багаже миссии Риббентропа, прибывшей в тот день в Москву. Заключение пакта стало основой для массовой высылки из СССР германских граждан, находившихся в сталинских лагерях (по разным данным от 300 до 350 человек)¹³².

Положение «высланных» в Германии

Ещё на пути в Третий рейх высланные из СССР попадали в объятия национал-социалистических организаций. Во время транзита через Польшу им настоятельно рекомендовали не реагировать на просьбы местных журналистов об интервью, подозревая, что за этим может последовать вербовка в польскую разведку. В Варшаве «союз женщин» НСДАП занимался размещением и обеспечением всем необходимым тех немцев, которые выглядели достойными для того, чтобы влиться в «народное сообщество». Первоначально высланных из СССР размещали в приграничном лагере Шнейдемюль, где их ждали не только краткосрочные пропагандистские курсы, но и санитарный карантин. Уже к декабрю 1937 г. этот лагерь был переполнен, и посольство в Москве получило распоряжение «диверсифицировать» поток возвращавшихся из Советского Союза. В последующем большинство из них оказалось в бывшем приюте для бездомных в берлинском районе Тегель, который был срочно передан на баланс Зарубежной организации НСДАП. Всего, по данным гестапо, с января 1937 г. по июль 1939 г. в Германию прибыли 2 180 репатриантов из России, из них около 600 – в результате приговора к высылке¹³³. Каждый из этих людей заполнял стандартную анкету (в фондах архива германского МИД сохранилось более 200 таких анкет), где указывались его основные биографические данные, места работы в СССР, информация об оставшихся там родственниках¹³⁴. В дальнейшем на каждого из возвратившихся, в том числе и тех, кто попал в концлагерь, заводилось специальное дело, в котором отмечался путь «перевоспитания».

Параллельно с ведомством по делам репатриантов при Зарубежной организации НСДАП с высланными из СССР начинали работу органы гестапо. В специальных директивах главы этого ведомства Р. Гейдриха детально расписывалась процедура

¹³⁰ В данной формулировке из записки беседы с Шуленбургом 13 декабря 1938 г. сквозит сочувственное отношение Потёмкина к вопросу о детях репрессированных родителей, который был разрешён уже в начале 1939 г. (там же, ф. 011, оп. 2, п. 20, д. 207, л. 173).

¹³¹ PAAA. Politische Abteilung V. Akte 104386.

¹³² *Schafranek H.* Zwischen NKWD und Gestapo. Die Auslieferung deutscher und österreichischer Antifaschisten aus der Sowjetunion an Nazideutschland 1937–1941. Frankfurt a/M, 1990. S. 54–59.

¹³³ *Тышлер К.* Высылка немцев из Советского Союза в 30-е годы // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 206, 208.

¹³⁴ PAAA. Botschaft Moskau. Akte 386.

допросов и контроля¹³⁵. Обязательным было не только установление политических настроений того или иного человека, но и выяснение обстоятельств его эмиграции в Советский Союз. В ходе допросов реконструировалась вся биография репатрианта, его работа в оборонной промышленности, контакты с советскими руководителями разного уровня, степень вовлечённости в стахановское движение и т.п. Следователей гестапо особо интересовала «степень еврейского влияния в СССР», что отражало идеологическую предубеждённость нацистского режима.

В отличие от анкет протоколы допросов вызывали живейший интерес работавших в Москве германских дипломатов. Последние в свою очередь снабжали гестапо компрометирующими материалами. После того, как работавший на заводе «Фрезер» К. Френцель в июне 1937 г. получил принудительную выездную визу, он обратился за паспортом в консульский отдел посольства. «По нашему усмотрению, – сделал вывод руководитель отдела, – Френцель, сохранив своё членство в коммунистической партии, настолько грубо нарушил своё обязательство хранить верность по отношению к своему народу и рейху, что заслуживает лишения гражданства»¹³⁶. Это был прямой донос, порождённый стремлением молодого дипломата Гензеля выслужиться перед властями Третьего рейха. От него не отставал консул в Киеве Г.В. Гросскопф, отправивший в МИД записку о коммунистической деятельности немцев, работавших на шахте «Американка» в Донбассе. По мнению консула, любой гражданин Германии, не вернувшийся на родину до начала 1937 г., являлся «элементом, враждебным национал-социалистической Германии» и заслуживал пристального внимания гестапо¹³⁷. В этот список попала даже высланная из СССР 16-летняя Х. Кишкель, проживавшая с родителями в Сталино (совр. Донецк), которая «с десятилетнего возраста воспитывалась в коммунистическом интернате» и, следовательно, могла оказаться агентом НКВД.

На основе копий допросов в гестапо, отправлявшихся в Москву, дополнялись списки арестованных, направлялись новые ноты протеста в Наркоминдел. Так, один из высланных немцев сидел вместе с В. Лубсом, которого расстреляли уже 3 ноября 1937 г. Посольство не знало о том, что накануне ареста Лубс получил советское гражданство (его паспорт не был возвращён), и регулярно запрашивало советские власти о его судьбе¹³⁸.

Оказавшись перед лицом новой репрессивной машины, высланные из СССР немцы стремились скрыть своё членство в КПГ, утверждали, что уехать из Германии их заставила нужда, а не политические убеждения. Им не нужно было прибегать к особым метафорам, описывая тяжёлые условия заключения, попытки принудить к даче ложных показаний в ходе следствия, вербовку в качестве агентов НКВД накануне отправки на родину¹³⁹.

Переписка по поводу высланных из СССР граждан Германии занимала значительный объём в деятельности посольства в 1938–1940 гг. Речь шла прежде всего о судьбах их родных и близких, оставшихся в Советском Союзе. Жёны германских граждан и после заключения брака считались гражданками СССР, равно как и родившиеся в сме-

¹³⁵ Германский исследователь Вильгельм Мензинг опубликовал первую из таких директив, датированную 22 июня 1937 г. (*Mensing W. Die Vernehmungsprotokolle der «Rußlandrückkehrer» – eine unausgeschöpfte Fundgrube im Politischen Archiv des Auswärtigen Amtes. // Jahrbuch zur Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin, 2003/III. S. 165–170*). Согласно данным Мензинга, в Архиве МИД Германии сохранилось около 4500 копий допросов германских граждан, вернувшихся из СССР (*Ibid. S. 158*).

¹³⁶ РААА. Botschaft Moskau. Konsulatsabteilung. Akte Frenzel. В результате Френцель был лишён германского гражданства и вернулся в Германию только в мае 1940 г. (ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 30153).

¹³⁷ РААА. Politische Abteilung V. Akte 10407.

¹³⁸ АВП РФ, ф. 082, оп. 22, п. 71, д. 8, л. 31.

¹³⁹ 18 июня 1938 г. гестапо прислало в МИД образец обязательства о работе на НКВД, которое заставляли подписывать некоторых из приговорённых к высылке (РААА. Politische Abteilung V. Akte 104385).

шанных браках дети. Шуленбург неоднократно направлял в НКВД запросы о воссоединении семей, которые переправлялись Литвиновым в ведомство Берии. Последний предпочёл ответить напрямую Сталину, заявив, что выход из советского гражданства происходит в определённом законом порядке, органы госбезопасности дают по каждому случаю заключения «в зависимости от наличия компрометирующего материала на советских гражданок – жён иностранцев»¹⁴⁰.

На деле всё выглядело несколько иначе. К. Фрейзе с семьёй пытался опередить события и спешно готовился к отъезду в Германию. 6 сентября 1937 г. он обратился в посольство за получением паспорта для своей русской жены. Для этого ему пришлось дать подписку о том, что его жена, Анна Гавриловна, имеет арийскую родословную без примеси еврейской крови. Потом она отправилась в районное отделение НКВД с заявлением о выходе из советского гражданства, после чего Фрейзе арестовали. Уже после высылки в Германию агроном из Серпухова продолжал бороться за воссоединение семьи, и сотрудники посольства смогли разыскать Анну, которая переселилась к своему брату в Воронежскую обл. За это время один из сыновей Фрейзе, двухлетний Карл, умер, другой – Алексей – родился. Малограмотная женщина на протяжении двух лет вела переписку с представителями консульского отдела, получая материальную помощь и необходимые документы, но так и не смогла преодолеть преграды, воздвигнутые советской бюрократией¹⁴¹.

Многие из высланных из СССР немцев отправляли на адрес посольства полномочия о присылке оставленного имущества, денег и ценностей. Приговорённым к высылке говорили, что драгоценности и ценные вещи они получают на границе, но, как правило, там они получали далеко не всё. Посольство давало стандартный ответ, что надежд на компенсацию за конфискованные при аресте облигации госзайма, равно как и на денежную компенсацию за время, проведённое в советских тюрьмах, нет. Что касалось вещей и денег, то по каждому случаю посольство направляло ноту в НКВД. Их общий объём за 1938 г. составляет восемь дел. Советская сторона не имела ни возможности, ни желания проверять каждый случай отдельно, тем более что высланные рассматривались как шпионы и потенциальные диверсанты. В беседах с германскими дипломатами их коллеги из НКВД предлагали идти «гражданско-правовым путём», как это ни парадоксально звучало на исходе эпохи массовых репрессий: высланный должен был прислать нотариально заверенную доверенность своим родственникам или знакомым, чтобы те озаботились возвращением его имущества¹⁴². Сотрудники посольства, прекрасно знавшие реалии жизни в СССР, отвечали, что советские граждане, боясь ареста, отказываются принимать на себя такую обязанность. Вопрос об имуществе, оставленном высланными немцами, стал решаться в каждом отдельном случае только после заключения пакта о ненападении и общего потепления советско-германских отношений. Как правило, за изъятые при аресте вещи и ценности выплачивалась скромная компенсация, деньги переводились на счёт посольства Германии в Москве.

С начала 1990-х гг. в европейской историографии ведётся активная дискуссия о том, являлась ли высылка из СССР германских коммунистов «подношением» Сталина Гитлеру в надежде на укрепление сотрудничества двух диктатур после заключения пакта¹⁴³. Большинство историков сходятся во мнении, что сознательного отбора противников нацистского режима органы НКВД не проводили, однако статус бывшего коммуниста (всех арестованных немцев тут же исключали из КПГ) не являлся гаран-

¹⁴⁰ СССР – Германия. 1933–1941. М., 2009. С. 172.

¹⁴¹ РААА. Botschaft Moskau. Konsulatsabteilung. Akte Freyse.

¹⁴² АВП РФ, ф. 082, оп. 22, п. 71, д. 7, л. 110.

¹⁴³ Одним из первых данный вопрос поставил австрийский исследователь Ганс Шафранек. См. также: *Mensing W.* Eine «Morgengabe» Stalins an den Paktfreund Hitler? Die Auslieferung deutscher Emigranten an das NS-Regime nach Abschluß des Hitler/Stalin-Pakts – eine zwischen den Diktatoren arrangierte Preisgabe von «Antifaschisten»? // *Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat.* 2006. № 20.

тием от насильственного возвращения в Третий рейх. Материалы архива германского МИД показывают, что и первая точка зрения не лишена оснований. «Подношением» являлась не сознательная выдача антифашистов, а сам факт ареста и последующей выдачи Гитлеру германских граждан, проживавших в СССР. Попав на допросы в гестапо, они давали обширные сведения о промышленном и политическом потенциале Советского Союза, которыегодились нацистам в ходе подготовки к войне. Безосновательный арест и формальное следствие в стране, откуда они вернулись, только подогревали негативные эмоции допрашиваемых, свою роль сыграло и вынужденное стремление понравиться новым властям. В результате сплошь и рядом советский режим оказывался «колоссом на глиняных ногах», а советское хозяйство – политэкономическим недоразумением.

Получалась воистину парадоксальная ситуация: пытаясь избавиться от «пятой колонны» и высылая в массовом порядке потенциальных германских шпионов, советские власти снабжали вероятного противника в будущей войне живыми носителями уникальной информации, ничего не требуя взамен. Органы гестапо самым тщательным образом вели регистрацию лиц германского происхождения, оставшихся в Советском Союзе. 26 марта 1938 г. в МИД получили сообщение, что гестапо начало формировать картотеку всех немцев, уехавших в СССР после окончания Первой мировой войны¹⁴⁴. Сотрудники «русского реферата» МИД и дипломаты, работавшие в Москве, внесли немалый вклад в составление «розыскной книги гестапо», появившейся у частей вермахта накануне 22 июня 1941 г. В ней было отмечено, кто из немцев, находившихся в СССР, может быть привлечён к сотрудничеству, а кто подлежит немедленному аресту¹⁴⁵. Парадоксально, но на основе этих гестаповских списков происходила реабилитация многих немецких жертв сталинского террора. Если человек был отмечен в «розыскной книге», хранившейся в качестве трофея в Особом архиве СССР, как антифашист, это признавалось во второй половине 1950-х гг. неоспоримым аргументом в пользу его невиновности.

Итак, переписка о судьбе арестованных германских граждан занимала львиную долю в объёме оперативной коммуникации НКВД и германского посольства в 1937–1938 гг. Практически ни одна встреча представителей посольства с их советскими коллегами не обходилась без постановки этого вопроса, постоянных напоминаний, обещаний и т.д. Нельзя исключать, что быстрое сворачивание «немецкой операции» против германских граждан и её переключение на этнических немцев было связано с решимостью персонала посольства и консульства «бороться за каждого человека». Советские органы госбезопасности предпочли не связываться со столь опасным контингентом, не имея на его счёт однозначных указаний и количественных «лимитов», спущенных сверху.

Массовые аресты германских граждан дипломаты справедливо связывали не столько с состоянием отношений двух стран, достигших нулевой отметки, сколько с внутренним положением СССР и изменением его внешнеполитического курса. Эксперименты с коллективной безопасностью и народным фронтом закончились, так и не дав положительных результатов, и Сталин сделал ставку на автаркию, на отгораживание страны от внешнего мира. Составной частью её подготовки к большой войне и выступали «массовые операции» НКВД, призванные, по мысли вождя, прежде всего, обеспечить прочный тыл, избавиться от потенциальных коллаборационистов. Задуманные как скоротечные и целенаправленные эти операции вышли из-под оперативного контроля центра, потеряли заданную им «прикладную» логику. Репрессии становились ключевым фактором внутривнутриполитической жизни, меняли образ Советского Союза на международной арене. От него с отвращением уходили друзья, к нему с интересом начинали присматриваться враги.

¹⁴⁴ PAAA. Politische Abteilung V. Akte 104378.

¹⁴⁵ Sonderfahndungsliste UdSSR. Das Fahndungsbuch der deutschen Einsatztruppen in Rußlandfeldzug 1941. Hrsg. von W. Röder. Erlangen, 1977.

В центральном аппарате МИД Германии эпохи национал-социализма исследователи выделяют две профессиональные группы, отличавшиеся по своему возрасту, социализации и политическим взглядам¹⁴⁶. Данное разделение в полной мере прослеживается и на материалах деятельности посольства в Москве, консолидированная позиция которого являлась компромиссом между сторонниками жёсткой и мягкой линий. К первым относились молодые карьеристы, демонстрировавшие свою приверженность нацистской идеологии. Их лидерами были поверенный в делах Типпельскирх, руководитель консульского отдела Гензель (доверенное лицо НСДАП в аппарате посольства), консулы в Новосибирске (Мейер-Хейденхаген) и Ленинграде (Р. Зоммер). Вторую группу составляли опытные дипломаты, часть которых выросла в России и знала её с дореволюционных времён. Эти люди видели, что стилистика и механизмы сталинской власти возвращались к имперским традициям, они предпочитали мыслить категориями «реалполитик» и выступали против нацистской демонизации Советского Союза как воплощения всемирного еврейского заговора. К их числу относились Кёстринг, Хильгер, Герварт, позицию этой группы разделял и Шуленбург, что предопределило его умеренную линию в переговорах о судьбе арестованных немецких граждан, и в конечном счёте – освобождение многих из них из советских тюрем.

Имеющиеся в моём распоряжении материалы не дают возможности дифференцировать позиции советских дипломатов, но несомненно то, что в целом НКВД проводил курс на ограничение масштабов репрессий против иностранных граждан. Однако и МИД Германии, и Наркоминдел СССР занимали подчинённое положение в государственной иерархии своих стран, успешно отстаивая свою ведомственную автономию, но всё же признавая примат «силовых структур», и прежде всего – политической полиции. Германские дипломаты в Москве в ряде случаев игнорировали требования Берлина не выдавать паспорта и визы евреям и коммунистам, однако такие исключения только подтверждали правило – прусская школа бюрократии предоставила себя в распоряжение нацистскому режиму.

Однако это служение не было «молчанием ягнят». Генерал Кёстринг в докладе, отправленном руководству вермахта в конце 1937 г., делал вывод о том, что Советский Союз, который к началу репрессий находился в фазе подъёма, ныне в силу внутреннего кризиса отказывается от активной внешней политики. «Всё это делает вступление колосса (СССР. – *А.В.*) на путь войны ещё менее вероятным. Внутри страны временная стагнация, возможно даже отступление... Последнее рано или поздно остановится, ибо пока не видно того, что может дать пошатнувшемуся сооружению решающий толчок, и встать на его место. Я вспоминаю картины моей юности. Я вижу бесконечные колонны политических заключённых, которые ночью в кандалах движутся по заснеженным улицам Москвы. Они пешком направляются в Сибирь. Многие думали тогда, что режим, который прибегает к столь жестоким мерам, долго не продержится. Однако потребовалась целая война и слабак на троне, чтобы свергнуть этот режим. Ни то, ни другое пока ещё не светит русскому народу в ближайшей перспективе»¹⁴⁷. Спустя три четверти века эти оценки выглядят достаточно наивно. Война стояла на пороге Советского Союза, хотя её итоги вряд ли соответствовали мечтам и планам нацистской верхушки. Предупреждения реалистично мыслящих политиков и дипломатов были отвергнуты Гитлером, некоторым из них, как послу Шуленбургу, пришлось поплатиться за это жизнью.

¹⁴⁶ Mayer M. Akteure, Verbrechen und Kontinuitäten. Das Auswärtige Amt im Dritten Reich. Eine Binnendifferenzierung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2011. № 4. S. 511–514.

¹⁴⁷ Köstring E. Op. cit. S. 189–190. Генерал Кёстринг родился и вырос в России.